

ТЕАТР И ГОРОД

пытнейшей — «Русской антрепризе XIX века».

Духовенный разговор затронул в итоге вопросы и проблемы совместности и очути «сегодняшняя»: история антрепризы соединилась с нынешним днем театра, когда тоже возникает подобие театральные формы существования. Вспомнили множество писем, от Локателли из елвантских времён до Саввы Мамонтова и Сергея Дягилева.

Новиче же, коснулись чеховской темы (Чехов — любимый автор Липецкого театра), вспоминали и повесть его брата Ал. Чехова «Птицы бездомные», о провинциальных актерах и провинциальном театре. Конечно же, все прошло «под знаком Лапкина»: нынешние встречи были посвящены его памяти. Владимир Яковлевич долгие годы был другом и пропагандистом театра, бислетельно вел липецкие встречи, и портрет его на сцене в дня, когда впервые все состоялось без его участия, в чудесный вечер его памяти в Доме актера, и присутствие на встречах его супруга и сына — все это давало особую интонацию, точку отсчета.

Были, когда-то у российских интеллигентов прошлого века «теория малых дел», многократно разруганная и высмеянная впоследствии. А теория-то мудрая! Не надо призывов, лозун-

госкорбая, столь и светлая: год назад умерла молодая женщина, звали театра Гали Коваленко, и вот в годовщину смерти театр съездил к ее родителям в село Доброе под Липецком, на ее родину, и там сыграл перед сельчанами в память о Гале спектакль-ноншефт. Уверена, теперь это будет еще одна традиция. Это — к вопросу о «малых делах». Впрочем, что считать в жизни «малыми», а что «большими»? Липецкий театр это знает. Я говорю о театре, как о человеке; поэтому что воспринимаем его именно так — как нечто целостное, единое, как сотрудничество, объединенное общими и творческими, и человеческими взглядами.

У этого театра, разумеется, существуют свои проблемы, и не только финансового порядка — подобно тому, как даже в самой благополучной семье непременно есть «свое горе, свои мысли». И более всего мне хотелось бы избежать в своем рассказе благостной интонации. Как и любой творческий коллектив, этот тоже переживает взлеты и падения, ищет, обобщает, и снова побеждает. Но это и доказывает, что он — живой, не законсающийся в неколебимой стабильности.

Однако мероприятие мероприятием, поговорим о творчестве. На мой взгляд, последние премьеры Липецко-

сты используют его с блеском, упиваясь остроумием, яркой тиражностью и, как говорится, «сочностью» характеров и сюжетов. Пахомов предстает в этих спектаклях человеком, влюбленным в магию сцены, подобно простодушному Сивячкину или романтичной Негиню, и при этом отчаянно знающим, трезво понимающим все «гримасы» и темные стороны закулисы. Эти спектакли — в гимн, и лукавое проклятие театру, но все-таки, конечно, более всего — любовь к нему. И потому могу сказать, что они представляют собой для театра не только творческий, но и мировоззренческий «этап». Кажется, после столько лет подспудной борьбы со зрителем, случаются, равнодушным, нелицующим парализован, и за зрителя своего, театр словно решил переодеть: нате, развлекайтесь, веселитесь, мы и это умеем делать, причем добавлю на высоком профессиональном уровне. И, надо сказать, зритель благодарен. В наше время, быть может, ему необходимо именно такое искусство: яркое, увлекательное, чуть облегченное, не скрывающее своей игровой природы.

ЛИПЕЦКИЙ МЕРИДИАН

В. Пономарев, Л. Гурвич, С. Кузнецов

рез («э» оборотное) тоже искренни и самобитны.

Риску даже заметить: здесь, на тихих встречах, народился новый тип этого самого «мероприятия». Без внешнего блеска и шума, без официальной псевдозначительности, без казенщины и навязчивой саморекламы. Все очень просто: в город приезают Пахомов и недавние друзья театра и Пахомова (и число этих друзей множится). Им показывают последние спектакли-премьеры. Параллельно идет конференция (тоже — нечеткое слово: не годится для липецких встреч никакие привычно-глубокомысленные или казенные определения) — вернее, разговор заинтересованных людей, будь то ученые на Института искусствознания или молодые актеры, режиссеры и критики. В Липецке не важна завлания и степеня, не главенствует атакующая, а все внешне, формально каким-то чудесным образом уходит, отторгается само собой. Остается суть, а она, как ни просто, быть может, это прозвучит, — в том, что «неестественный» еще совсем недавно Липецк, город металлургов, приезают люди, связанные по профессии с искусством — любящие и горд, и его театр. Ни громозвучных речей, ни отчетов, ни пиროвоощаствительных встреч с общественностью. Полные залы на спектаклях вечерами, неполные — на дневных собеседованиях (опять-таки не говорю важно — заседаниях, докладах). В этом году они были посвящены теме редкой в любви-

гов, мятягов и воззваний — «надо, господа, дело делать», как говаривал чеховский «герр профессор» (персонаж, понимаю, не самый обязательный, но мысль хороша). Пахомов тоже твердит о катастрофической ситуации в культуре. «Можно восстановить все, разрушенную аксиому, но как восстановить разрушенную культуру, где уже образовалась огромная «черная дыра»? — но дело делать. Пришедший на открытие «встреч» заместитель главы администрации области В. Бородин назвал театр «островком культуры, где сохраняются ее традиции». Но «Это в театре. А на практике!», — спросил бы небезызвестный учитель Медведевко.

А на практике, несмотря ни на что, в городе Липецке живет театр, и действительно хранит традиции — из года в год, вот уже семнадцать лет работает над русской классикой (Чехов, Толстой, Достоевский). И удивляется спрашивается с финансовыми трудностями, не играя «забойных» шоу со спецэффектами и обильем обаятельной натуре, не торгуя в буфете горячительными напитками, не славя фойе под кино. Как ухитряется — и Пахомов, ни директор театра (он же — прекрасный актер) Владимир Александрович Краченко — секретов не выдает. Театр ни разу не выезжал за рубеж, не частый гость в столице, зато каждую весну едет в Мелихово, играет там спектакли. В августе — в Ясную Поляну. И делает это ради памяти о своих кумирах (театр носит имя Льва Толстого), а не из желания лишней раз мелькнуть, поприсутствовать, отметаться.

Есть одно доброе дело, творимое театром, еще подробностей, сколь

го театра («Таланты и поклонники» Островского, «Лев Гурвич Сивячкин» — воденья Д. Ленского и «Пестрые рассказы» А. Чехова) открывают нам новый образ коллектива. Долгие годы кропотливой, бережливой и строгой работы над чеховскими пьесами и инсценировками прозы, над толстовскими «Живым трупом» окончательно, казалось, утвердили в сознании образ театра серьезного, традиционного-психологического, чуждого яркой театральной форме и всякому оттенку «массовости». Но вот год назад в Мелихово играют несколько рассказов Чехова, а еще раньше — его одноактные комедии: блеск, юмор, актерская — характерность, откровенная ставка на успех, на «алюдисмент».

После прозрачного, чистого, гармоничного «Винного сада, завершающего, по моему, определенный этап в творческой биографии Пахомова и театра — бенедиксий, «обдеркнуто» театральная, сценическая, актерский спектакль «Без вины виноватые»: торжество Его Величества Театра и Их Величеств Актеров и Актрис (к слову, труппа театра сейчас, как никогда, в прекрасной творческой форме). Следующие улетелись Островским, Пахомов ставит «Таланты и поклонники» — снова всеоблажающий Театр. Заметим, что обе эти пьесы выбраны не случайно, в обеих речь идет о мире нулиной, людях театра. Об этом же и «Лев Гурвич Сивячкин» — забавная, музыкально-театральная шутка.

И, наконец, «Пестрые рассказы», не раз становившиеся отличными материалом для актерских работ — от студенческих курсовых до моноспектаклей. Действительно, материал для актеров уникальней. И липецкие арти-

Уже почти перед отъездом в Москву в фойе театра я увидела фотографии всей липецкой труппы, раньше этого не было! Подхожу, смотрю: чуть пожелтевшая, под старину стилизованная пленка, фото каждого в полный рост, в костюмах конца прошлого — начала нынешнего века. В тех самых костюмах, в которых они играют «Винный сад» или «Живой труп». Удивительная вещь! Как мечется облик человека на таких вот снимках, даже облик актера, привыкшего, кажется, к смехе костюмов. Какие значительные, спокойные лица, какое достоинство и стать, какая вдруг ставшая «нездешней» красота актрис. И я подумала: а ведь они еще не сыграли «Три сестры». А там — почему бы нет? — крутой авраж: кто-нибудь из Шекспира, в сухих, с трагедийно-ловкокурительными идеями. Этот театр, режиссер и актеры способны на многое. Они не утратили ценнейшего в творчестве дара — удивлять. И изменяться, не изменяя себе в главлем.

- Марина МУРЗИНА.
- «Таланты и поклонники». Негиня — О. Овчинникова. Клязь Духобов — В. Пономарев.
 - «Лев Гурвич Сивячкин». Лев Гурвич — В. Пономарев, Лиза — А. Пестрыкина.
 - «Пестрые рассказы». «Антрепризер под диваном». — Ю. Ильич, С. Кузнецов.

Фото А. КОЗИНА.